Т84(2Рос=Рус)6
М60

МАЛЫМ ТИРАЖОМ

Любовь
МИЛЯЕВА

ОСТРЫЙ УГОЛ

Любовь
МИЛЯЕВА

ОСТРЫЙ УГОЛ

Ханты-Мансийск 2008

-0149667

Государственная библиотека Югры

МП

ББК 84 (2Рос=Рус)
М 12

М 12 Любовь Миляева
Острый угол. Стихи, проза. – Ханты-Мансийск, ОАО «Информационно-издательский центр», 2010. – 108 с.

Книга «Острый угол» представляет собой своеобразную фотографию эпохи перестройки с точки зрения авторского восприятия. Произведения, представленные в данном издании, написаны в переломный для страны период времени 1989 – 2002 годы, и демонстрируют взгляд и реакцию человека 18-30-тилетнего возраста на события, происходящие в то время в стране.

Издание предназначено для узкой целевой аудитории – аналитиков, литературоведов, историков.

Публиковать и использовать в СМИ произведения, находящиеся в данном издании, полностью или частично запрещено.

ISBN 978-5-98143-140-1

© Л. Миляева, 2008

От автора

В книгу «Острый угол» собраны произведения переломного для страны периода – перестройки.

Развал страны, развал экономики, развал духовных (идейных) основ – происходили столь стремительно, что каждое живое сердце, так или иначе, откликалось на происходящие в стране события – и в основном болью.

В период 1989-1991гг. мои сверстники завершали учебу за партами училищ, институтов – делали первые самостоятельные шаги в жизнь. Страна встречала моё поколение не ласково. Сбережения, которые родители готовили для нашей «подпорки» – сгорели в одночасье – за одну ночь. Мы, 18-19-тилетними неоперившимися птенцами выпадали из отчего гнезда… А страну в это время лихорадило. – Приватизация, путч (август 1991), развал Советского Союза на отдельные государства, дефолт (август 1998), события в Чечне… Устроиться на работу было крайне сложно – шла повальная безработица. Зарплату не платили месяцами, или платили бартером, натурпродуктом. В городах бушевал разгул криминала.

Гигантская машина-государство, срывая с себя идеологическую мишуру, сдирая с себя социалистическую кожу – тяжким грузом обрушивало её на головы простого народа. Многих придавило, откинуло за грань нищеты. А сама машина-государство явилась перед глазами людей, увы, в неприглядном виде, пожалуй, – в самом отвратительном.

И если Север в силу мудрости команды, которая встала у руля, нашёл в себе силы подняться, то центральная часть России до сих пор ещё не может в полной степени выйти из оцепенения, после шоковой терапии российской экономики. И, наверное, потребуется ещё не один год,

для отлаженного функционирования хозяйственной государственной машины. Тем не менее, уже с 2003 года, в стране не просто наметились какие-то шаги, а стали явно видимы глазу обывателя положительные результаты целенаправленной пошаговой стабилизационной программы.

Во время 90-х годов много в стране было агрессии и резких заявлений, поэтому в тот период свои произведения я фактически не публиковала (*за исключением некоторых «безобидных» стихов: «Обличение», «Если бы», «Моя трагедия равна кровопролитию!», «В сутолоке суток, как в квадрате ...»,*) – не было желания добавлять напряжённости и ядрёности в общий и без того «кипящий котёл».

Сегодня ситуация в стране изменилась в лучшую сторону, и изменилась значительно. Да и времени с момента написания представленных в данном сборнике произведений прошло уже достаточно, чтобы относится к ним, как к событиям дней минувших.

Книга «Острый угол» издана малым тиражом. Опубликованные в данном издании стихи и рассказы предназначены для определённой, очень узкой целевой аудитории – аналитиков, литературоведов, историков.

Книгу «Острый угол» необходимо рассматривать исключительно в историческом контексте, как «фотографию» эпохи перестройки, безусловно, с точки зрения субъективного авторского взгляда человека 18-30-тилетнего возраста на происходящие в тот период события. По этой причине все произведения датированы – указан год их написания.

Июль, 2008 год.

ПРАВДОЮ

у обличчя...

* * *

1991

Ветры в поле.
Русь, качаясь у столба,
Встала
Обнажённая как стих –
Мне под сердце болью острою вошла.
Будем, Ваня, запрягать вороных!

Смотрит Кривда –
льстивым слогом губа
Кушать манит
Хлеб да масло за двоих –
Мне за Богом, по дороге прямой.
Будем, Ваня, запрягать вороных!

Чай, не мачеха –
родна матушка – Судьба.
Ветры воют
И стращают. – Тьфу на них.
Мне по полю. Была не была!
А ну-ка, Ваня, запрягай вороных!

Прошло-новым перестройщикам
1989

– Э-ге-гей! За расцвет!…
Под-петь поколение! –
Широко-новому пути –
Расчищение!

Рушьте стены,
Мостовые, мóзги –
Не одно ли дело. –
Выстроим новое!
Чтоб рабоче-сладко
Жилось-спивалось,
в ноги кланялось
«зелёным»…
Колуноголовам
своими «простыми» –
Вам.

– Э-ге-гей! За расцвет!…
(кирзой по Руси…) –
Расчищение –
Широко-новому пути!
Поднимайтесь все,
Православные!
(но не выше каблуков
власть-держа-вных)

Да не ропщите,
Нищие –
С радостью зрите
очищение –
воочию.

– Оп-пля!
Рисуем лица! –
(Боль глаз…)

Кто-нибудь
1991

Сколько стоят розовые очки?
Скажите мне! – кто-нибудь! –

Больно глазам моим видеть,
Словно плёнка защитная содрана,

Словно пламя жжет глаза мои.
Больно глазам моим видеть.

Прохожие! – кто-нибудь! –
Продайте мне розовые очки!

Обличение
1991

О, как страдала я,
Рассматривая грустную картину, –
Как маска добродетели, сползая,
Открывает
Твою скользкообразную личину.

* * *

1991

Ах, как хотелось быть
И слабой, и нежной,
Но обнажился мир
На узкой дороге.

И не котёнок он,
Увы – не пушистый.
Ах, так хотелось быть… –
Да мир круторогий.

Если бы
1991

Замерло на миг,
Остановилось
Движение по жизненному кругу…
И услышали, наконец,
В образовавшейся тишине
Стон
Утомившихся душ своих…

Стон
Превратился в крик,
Крик –
В грохот,
И загрохотало
Над застывшими человеческими фигурками:
«Не к своему ли концу торопитесь? –
Сминая всех и вся на пути…»

Если бы…
Замерло на миг –
окаменело!

Воля
1991

Дышится! – воля, Воля!!
Прёт – аж во все щеля.
Воля – одно что пьянка
Для мужика.
Вырвался покуражиться – от души,
Чтоб заходили, охая, камыши.
Вырвался, чтоб до усмерти
затрясло,
Чтобы до страсти, до опупения
проняло,
Чтобы согнуло бедного – аж в дугу…
Счастье – завыть собакою на лугу.

Но Воля – она ж как баба –
в неё войдёшь –
Вот и имей, как можешь – и хошь-не хошь.
А по утру что делать с ей? –
Хрен поймёшь.
Чай не картошка воля-то, чай не вошь.
Поздно уже метаться то в пот, то в дрожь –
Всё. Принимай родимую
без калош.
Рад бы в попят, последние сунув гроши –
Ан–же! – люби до гроба теперь, до дрожи.

Дышится? – воля, Воля…

Письмо
на деревню дедушке Думе
1993

Как псы в загоне,
в стране живём,
друг друга травим,
друг с друга рвём,
всё хапаем, давимся
смачным куском,
всё делим, судимся
о пустом.

Крутится
        сует колесо.
Тужимся –
        меряем вся и всё:

дорогу – километром,
скалы – кайлом,
морду – зеркалом,
реки – веслом,
рост – чином,
счастье – шмотьём...
Веру! – и ту,
нашейным крестом...

Годы калеча,
черновик шьём.
Набело жить
когда начнём?

Нашейный крест (авт. знач.) – существует выражение «нательный крест», здесь же – крест, носимый без веры в душе.

Предгрозье
или
предвыборный сезон
1993

Беспредел на этом свете:
Обезглазил небо кто?!
Влезть, видать, повыше метил...
тихой сапою. Ишь-то,

съел луну – не подавился.
Сел. И свесил рукава...
Даже пень перекрестился,
на небь посмотрев едва.

Эко, темнотучно вызрел! –
Был-то... с хвостик комара.
Чуть заметным хлипким паром
кое-как дышал с утра.

Весь дрожит, на ножки встанет,
Смотришь – снова у земли.
Думаешь, ей-дух, растает.... –
Оболванил! – и срулил.

Все ему держали спину,
поднимали, как могли,

чтоб в сыру́ землю́ не сгинул,
не зачах тощóй в пыли.

Нынче шарит глазом бычьим,
а под сердцем скрыл зато,
как по волчьему обычаю,
(«Не усмотрит, мол, никто!») –

чёрну ярость – бычью жажду
грозным властвовать царём,
устрашить пытаясь кажну
мелку мушку: «Ух, я – гром!».

Что там страху! – жаждет плача,
чтоб мололось под ногой
всё – и лес, и чья-то дача,
и церквушка за рекой.

Лес взволнован. Может мимо?
Русский упасёт *авось*?
Не промокнут у долины
Все травиночки насквозь.

Над избёнкой воздух сдавлен...
Сквозь тревожное затишье,
Будто голубь окровавлен –
Молния метнулась в крышу...

Государственная библиотека Югры
МП
-0149667-

* * *

1993

Всё можно знать – от А до Я –
И быть при этом сволочью.
Хватая Русь за все края,
Добычей рвать на клочья.
Продав и друга… и себя
Однажды тёмной ночью…
Всё можно знать – от А до Я –
И быть при этом сволочью.

Лакомый кусочек
1993

Как беда, по Руси идёт
Перестройка – нищает народ.
Из кармана рваного обрывки газет,
Рука протянута – дай Бог на обед…
Глаза, уставшие от многих бед –
На паперть вышел великий поэт.

А новые русские – при «мази»:
Совесть продали – и в ферзи…
Что поэт для них? – голь – мурава.
Русь добросердечная –
Кормушка – страна –
Лакомый кусочек весьма.

И не пугай, мол, адом –
Не стони душа – жить надо
Хапая… – Жизнь хороша!
Вся Русь – смачный бизнес,
Кормушка – страна –
Лакомый кусочек весьма.

Откуда их столько –
Жадных ртов?!
Словно со всех параллелей,
со всех углов

Собрали в загон
голодных псов,
Грызутся – эмаль с клыков,
Лезут к х*а*влу
По головам,
По лбам, по глоткам, по рукам…
Что для них Русь? –
Кормушка – страна –
Лакомый кусочек весьма.

Воем плач по Руси идёт.
Худеет земля, нищает народ.
Душа устала от многих бед.
В паперть врос великий поэт.
Из кармана рваного обрывки газет –
Рука протянута – дай Бог на обед…

Перестройка
1993

Перестройка – мясорубка,
Душекрутка, горлопанка –
День и ночь трещит-молотит,
Воровайка-ободранка.

Перестройка – лицемерка
Никого не пощадила,
Методично жизнь за жизнью
В чёрный омут утащила.

Перестройке – лжецарице
Русь под ноги присягнула,
И восторженные лица
К душекрутке потянула.

Налетела…
1993

Налетела перестройка,
Крепкие дала ростки
Над-по краю преисподней,
По-над пропастью тоски.

Перевёрнут мир изнанкой.
Вылез задом наперёд.
Изнутри начинка – дёготь.
На наклейке – сладкий мёд.

И, купившись на наклейку,
Затянули пояски
Мужики на телогрейках…–
Исхудали старики.

Душу словно отпускают
На четыре стороны:
Кто в запое, кто на поле
У тяжёлой бороны.

Смутное бродяжит время
От сохи и до доски,
Над-по краю преисподней,
По-над пропастью тоски.

* * *

1993

Моя трагедия равна кровопролитию! –
Он был романтиком, а стал – политиком.
Ромашки кончились. Прощай, мой май!
Так и разрушился семейный рай...

* * *

1993

В сутолоке суток, как в квадрате –
Высота спины равна длине рубля.
И чтобы не пролечь гипотенузой меж данными двумя –
Я становлюсь любовью и разрываю рамки дня.

Узница

(триптих)

1993

* * *

Я – заключённая в саму себя.
Как осуждённая на покаянье.
И тело – тяжестью несу скорбя –
Судилищем, крестом и наказаньем.

* * *

Когда через зрачок смотрю на этот мир,
Как через маленькое камеры окошко –
На пустыре шипит недобрый пир,
И к змею ластится слепая кошка.
Пора весны. В природе – зрелый май.

Мой сад-земля – обетованный рай! –
Я не могу прорвать глухую стену,
Мой узный замок – моё тело.
Да лучше б сорняком в земле стоять,
Чем видеть пир на месте запустелом!..

* * *

Мне участь – языком во рту сидеть в судьбе,
И вроде дома, но вечно на пороге.
Как в клетке зверь мечусь сама в себе,
Но, исповедь творя, рождаюсь в Боге.

Волк
1997

Раненым зверем, загнанным волком,
Не помня ни дня, ни заката толком,
Цеплялся за жизнь, об одном мечтая –
Остаться в шкуре
своей,
прорваться к стае.

Все нити веры как струны порваны.
Свободу всю смерть разделит поровну
Для всласть любимого и одинокого –
Зрачки жадно искали логово…

Раненым зверем, загнанным волком,
Не помня ни дня, ни заката толком,
Он долго бился – глаза в глаза,
Смерть испугалась, и отползла …

Живём...
1997

Живём
как умеем, каждого
лупит по голове –
судьба
ведь не мёдом – сажей
по носу и по щекам
мажет.
И сколько каждому
отмерено? – свой удел.
Плакала мама:
«Рано-рано, доченька,
волос твой поседел».
Живём
как умеем, каждому
судьба – то орлом, то решкой,
то самобранкой-скатертью,
то ветошною прорешкой.
Стоим
под небесной синью,
сподобленные жнивью.
Спасибо тебе, Всевышний,
За то, что ещё живу.

В момент глубокого пессимизма
1997

Зима калиткой старою срывается с петель.
Вот-вот водою талою появится апрель.
Он обнажит бессовестно убогость деревень.
Дома-калеки – улиц российских будний день.

Как снег, в апреле тает житейский оптимизм.
И с мухами влетает в квартиру реализм.
И хочется ворваться к соседям – покрушить:
«Опять у вас прорвало! Ну, сколько этак жить?!»

Всё брошу и уеду куда-нибудь в Лондóн,
В Париж или Неаполь – короче, за кордон.
Похоже, ещё долго у нашего крыльца
Российскому апрелю не видится конца.

Опять…
1997

Опять ухожу одна
Скитаться по белу свету.
И крутится дней кино,
Как включенная кассета.

Опять Петербург – Москва.
И чьи-то чужие роли.
Грим смою. А за окном
Стонет страна от боли.

И вижу – моя судьба
До дырочек прохудилась,
От этих чужих ролей
Быстрёхонько износилась.

Опять ухожу одна.
Свет перепутав с мглою,
Печально Разруха – Страна
Встречает пустой сумою.

Когда ж ты, Христова Русь,
Выплачешь лучшую долю?!
И Золушкой став, сажусь
Штопать судьбу иглою.

Эмигрант
1997

Я – точно эмигрант в своей стране...
Поэт по духу, без жилья и без прописки.
По статусу – интеллигентный бомж:
Без места жительства… Не числюсь в списках.

Как лошадь воз, тяну свою судьбу –
Чины в стране не чествуют поэтов.
Растачивать метраж на голытьбу
Не выгодно для окружных бюджетов.

Цветаева, Есенин, Башлачёв –
Ряд русских полнится бомжей-поэтов.
При этом ширится метраж чванов,
И темы опошляются куплетов.

Для чина нашего безумство – словно блажь.
А жить-то хочется в России,
Где поле тянется до горизонта аж,
И ели на Урале сини-сини.

Вот и кручусь как вошь – на волоске,
Меж божьим колосом и бесприютным адом,
На лбах читая, словно на доске:
«Поэтов русских нам в стране не надо».

А я пою небесную любовь,
Служу поэзии, звучу в своей струне.
И с горечью проглатываю вновь:
«Ты – чуждый, эмигрант в своей стране».

Знаешь, мама…
1997

Знаешь, мама,
Нынче слишком…
затянулась зима.
Мама, мама…
Мне так хочется тепла…
А ведь я который год
Скитаюсь…
Без приюта…
А в России
Хаос рынка потрясает все края.
И страна моя родная,
Как чужая сторона…
Словно нет меня…
Как будто не рожалась – не жила.
В списках нет. Не числюсь, мама! –
Нет меня. Как умерла.

А законы эти, пишут
Не для нас, не для меня…
Так…– обводят вокруг пальца,
Хлебной корочкой маня.
Я по этим написаньям
Никуда не подхожу.
Словно инопланетянин –
К людям не принадлежу.

Для страны мы нашей родной
Чужеродные во всём.
Мы ведь, мама, вне закона,
Получается, живём…
Как-то все перевернулось,
Как-то всё наоборот –
Вне закона раньше – воры,
А тепереча – народ.

Плакать, мама, бесполезно…–
Надо ладить рукава…
У кого-то десять родин –
У меня всего одна.
Если нет таких законов –
Я сама их напишу.
И вставая против ветра,
Одного себе прошу –
Силы. Силы
Дай мне, Отче! –
Ветра выдержать порыв.
Дай, прошу, Отец, мне силы! –
Не упасть в крутой обрыв.
Ветер нынче слишком злющий –
Покоробило дома.
Мама! – БОГ встаёт со мною! –
Значит, кончится зима.

Поколение девяностых
1997

Поколение моё, поколение…
Государство нас всё на колени
Ставит, силится, – мол, жрите, щенки,
Кость безмозглую с Иудовой руки.

Поколение моё, поколение…
Государство нас всё на колени
Ставит, вытолкнуть пытаясь на панель –
Вот, мол, место вам – отсель и досель.

Поколение моё, поколение…
С каждым шагом крепчают колени.
С каждым часом матереют щенки.
Сила копится в запястье руки.

Поколение моё, поколение…
Государство нас все на колени...
Но мы поднимаемся – в Одном – РАТЬ.–
Закалённый металл – не сломать.

Поколение моё, Поколение!..

Еду я на родину,
Пусть кричат – уродина,
А она нам нравится...
Юрий Шевчук

* * *
1998

С души – портовая, с лица – уродина,
А может, всё это – не о моей Родине?!

Портовая – включает синонимы «портовой девки», портового города – шумного, разбитного и не очень чистого.

На рассвет
1998

Вереницы
летят
лет.
На рассвет смотрю, на рассвет.

Верю твёрдо, душой молюсь:
Да, не сломят дефолты Русь.

Вереницы
летят
лет.
На рассвет идём, на расцвет.

Казнокрады кичатся… – пусть.
Ваня выдюжит – встанет Русь.

* * *

1998

Страна моя бедолажная –
Страда моя неуёмная,
Боль моя неизбывная.
Как сука стоишь продажная.

На сердце засела родинкой,
Печальною песней девичьей.
Не балуют мать царевичи,
Словно мачеха им – Родина.

Страна моя простодушная,
До крайности терпеливая.
Когда же пойдёшь горделивою?
И встретишь когда, радушная?

Страна моя бедолажная –
Страда моя неуёмная,
Боль моя неизбывная.
Ты для сердца такая важная!

* * *

1998

Затихли рябин кроны.
Пустынно на белом свете.
Деревень обветшалое лоно
Трудно уже не заметить.

Раньше – дома как матроны
Смотрят важные – рядом дети,
А теперь вместо труб – вороны,
Крыши впалые не приветят.

Рябиновым тихим кронам
Да реченьке – лихолетья,
Как выцветшие иконы
Оконные ставни светят.

* * *

1998

Смотрят глазами тёмными
Сёла глубинки северной.
Ветхость домов нескромная –
Стала приметой времени.

Рвутся с ветвей рябиновых
Ягоды – в кровь созрели.
И занавескам сатиновым
Худо в окне-колыбели.

Видно, не та баюкает
Нянька их – хладный ветер.
Кличут хозяйку, укают,
Рученьки тянут в вечер.

Сколько их! мимо катера
Смотрит в речные полосы.–
Вырвалось слово матерное,
Рваной струной в голосе.

Чьи-то дома отчие –
Тёплый очаг раненый,
Правдою – у обочины,
Пустошью – на окраине.

Словно душа запустелая,
Потерянная во времени –
Смотрят осиротелые
Сёла глубинки северной.

Иван-Дурак
1998

Идёт Дурак –
Шапка – на бок.
За душой – ни гроша, ни ерша,
Но падок наш Дурак на водку,
Как солдат на молодку.
Нашёл
В грязи десятку – и в присядку
Пустился Иван по улице
Прищурился –
Да, и прямиком в кабак,
Заплясал Дурак.
Выпил немножко. Взял гармошку.
Растянул меха – Гуляй, душа!
Утёр усы. Ударил в басы,
И затянул: «Ой, ты, гой еси...» –
Песню грустную о матушке Руси:

«Ой, ты, Русь, Иванова Русь.
Поле долго – широка грусть.
Ой, ты, Русь, Марьянова Русь –
Бабьей доле опять дивлюсь…
В поле сеет артель Марусь.
В поле пашет артель Марусь.
В поле косит артель Марусь.

Ой, ты, Русь, Марьянова Русь –
Поле долго – широка грусть.
На душе стало всё не так…
В поле нет В*а*ней – слаб кулак.
Не видать В*а*ней – пуст кабак.
Один я – да и тот Дурак.
Ой, ты, Русь, Иванова Русь
Поле долго – широка грусть…»

Положил гармонь.
Потёр пятак.
И куда ноги повели
Пошёл Дурак…

А Русь – стояла…
1998

Гроза метала с высоты – огонь, как стрелы.
Тугие ветви у осин к земле кренило.
А Русь, как девушка в простом платочке белом,
Стояла, молча – подаяния просила.

Горели ярко купола кровавым светом
У церкви деревенской деревянной.
И богомолица худым склонилась телом
Перед иконою в молтитве покаянной.

Дрожало пламя в темноте – горели свечи,
За чью-то жизнь молитва повторялась.
Гроза не унималась – словно сеча
Меж воинством небесным состоялась.

И далеко, в неведомом нам поле,
Не первый ангел крылья свои сложил.
Он – русский воин, пал в солдатской доле,
Как чей-то сын, иль муж ... – недолго пожил.

Гроза метала с высоты – огонь, как стрелы.
Тугие ветви у осин к земле кренило.
И потемнел, как вдовий крест, платочек белый.
А Русь – стояла, милости просила.

Рассвет входил в силу
1998

Рассвет входил в силу
Новая кровь наполняла небесные жилы
Тихо. Покойно. Благостно.
Как вдруг сделалось небо цвета бронзы
Стало низким-низким.
Нависло над самой головой
видимых глазу сосен.
И вдруг свернулось,
скрутившись податливым листом
в свиток – от восхода на закат.
Сделалось темно-темно.
Потом, заблестев лунной дорожкой,
Засуетилось ровными лучами, словно
Потревоженными сонными ресницами.
Лучи разбежались на восход – на закат.
Небо смотрело. Так смотрит стрекоза –
Множеством зрачков – в каждом пламя.
Снова, вздрагивая, надвинули и отринули
Темноту лучи-ресницы.
Падала камнем огромная слеза –
Упав, она оказалась похожа
на ртутный шар.
Земля дрогнула – принимая на тело своё
Слезу.

Снова надвинули и отринули
Упругую темноту лучи-ресницы.
Небо смотрело. Так смотрит стрекоза –
Множеством зрачков – в каждом молния –
Разразилась...
Рассекла слезу ртутно-каменную.
И вонзились в землю
Острым углом –
Краем угла каменного –
Четыре пирамиды,
Встав на четыре стороны –
Перевёрнутыми –
Основанием к небу.

Пламя горело по центру
Говорило пламя:
– Скажешь.
Во́роны и стервятники,
Добычей мнящие Святую Русь –
Рано слетелись.
Род ваш кровавым коленом
На острие слезы.
Каждый колос этой земли сочтён.
Скажешь.
За Россию ответите вы!
Перед тем, кто ещё не родился.
Но родится в трущобах, в конуре.
Это он – потом удавит

Ваших, ещё не родившихся внуков.
Это ваша кровь, ваши дети
Будут собраны со всех четырёх сторон.
Это ваша кровь – невинные внуки,
Будут отвечать за вас.
Скажешь.
У руля стоящие,
Нищая мать – ваш позор.
Нищая Россия – ваш срам.
Высотою в три колена
Восстанет в поле кровавый храм.
До третьего ангела
Жнец не идёт – терпит,
слезу роняя.
Ангел третий – молнией низойдёт
Вспышкою озаряя
Небо и землю,
Покров полей,
Багряную сыпь кровель
За болюшку – Русь
Нет боли больней –
За сокровенную из сокровищ.
Скажешь.
Во́роны и стервятники,
Добычей мнящие Святую Русь –
Рано слетелись.

Надвинули и отринули
Упругую темноту лучи-ресницы.
Небо смотрело. Так смотрит стрекоза –
Множеством зрачков – в каждом крест. –
Снова, Надвинули
темноту лучи-ресницы,
Заблестев лунной дорожкой,
Начали сматываться лучи – как нити в клубок,
Удаляясь всё дальше-дальше
В небесное поле.
Совсем маленьким сделался клубок.
Звездой сначала. Потом чёрной точкой.
Сделалось темно - темно.
От заката на восход
Развернулся податливым листом
Свиток. Небо
Нависло над самой головой
видимых глазу сосен
бронзовым полотном.
Поднималось выше-выше.
Становилось
Тише. Покойней. Благостней.
Новая кровь наполняла небесные жилы –
Рассвет входил в силу.

Нищета-порок
2000

Нищета – порок? Ещё какой!
Вот он – рассадник желчи и злобы.
Нищие дети – осиный рой
Внутри российской утробы.

Множится, множится нищета,
Словно весной микробы.
Ударит час – выставит счета.
От расплаты уберёг кто бы.

Кинутся власти взывать к душе –
К праведному, к родному.
Но вместо души – бублик уже.
И ни родины нет, ни дому.

Кинуться к слову – авось спасёт.
Но сузилось слово – ссохлось.
Остался поэт – и тот палец сосёт,
Нищета с ним давненько сохалась.

Другие – про промысел божий забыв,
Друг другу – петух с кукушкой,
Зерна живые в душе загубив –
Кушать хотят – кушать…

Нищета – порок. Ещё какой!
И не говорил кто бы…
Это орган самый гнилой
Внутри российской утробы.

* * *

2001

Мы – люди – все на плахе –
смерть – секира.
И в нашу жизнь – в наш судный день
побольше б мира.
Да чтобы солнышко от нас не отвернулось,
Да совесть, глядя бы в глаза, – не ужаснулась.

Поперёк

(диптих-контраст)
2001

Один

Он привык – поперёк.
Против ветра, и против течения.
И судьбу, как штурвал,
Он вертел против общего мнения.

Он привык – поперёк.
И мечту брать, где волей, где силою…
Говорил: «Выйдет срок –
Отдышусь я душой белокрылою».

Он привык – поперёк.
И вперёд шёл без тени сомнения.
И стоял – одинок
Против ветра и против течения.

Он привык – поперёк.
За мечтой, за любовью, за правдою –
Словно право на жизнь
Перед богом Всевышним оправдывал.

Другой

Поперёк он хотел бы шагать…
Да не веря ни в бога, ни в друга,
Самомнением пробовал брать,
На чужой шее ехать по кругу.

Но случилось – не рассчитал –
У судьбы есть свои повороты…
С чужой шеи однажды упал –
На свою… под чужие ворота.

Поперёк – он мечтал, он хотел…
И, казалось, забрался высóко,
Только шею свою пожалел,
А чужая – окрепла до срока…

Середина мая
2001

Середина мая. Снег пришёл,
Словно телеграмма, неожиданно.
Небо помрачнело. Ни луча.
Даже края солнышка не видно.
Середина мая. Валит бель
На платки и плечи колоколен.
Ах, какое солнце обещал апрель,
Пряча звёзды в трещинах проталин.
Середина мая. Я ищу,
Словно сумасшедший шарю взглядом –
Хоть цветок, хоть запах на ветру,
Хоть росток весны, но лишь бы рядом,
Середину мая чтобы пить,
Как парное молоко из крынки,
Рухнуть в цвет черёмух и любить
Воздух, запах, зелень, паутинки...
Середина мая. Не цветёт,
Забеременеть никак не может
Стылая черёмуха. Но жжёт
Майский снег обветренную кожу.
Середина мая. Солнца нет.
Словно все места под солнцем проданы.
Сколько дней, а может быть и лет! –
Не сезон
цветения
родины.

* * *

2002

Внимаю как песнь соло́вью
Твой стих – но настанет срок –
Христовой проступит кровью
Нач*е*ртанное меж строк.

И ожиданьем Встречи
Жившая Столько Лет,
Пойду,
Поспешу
Навстречу
Чрез Паперть Иль Белый Свет...

Как Нищая По Дороге
За Милостью Под Перстом,
Чтоб Встать На Твоём Пороге
Марией Перед Крестом,

Чтоб Встать На Твоём Пороге
Как Боль Твоя, Как Стрела,
Которая Против Многих
Правил
Летела
Или Жила,

Пущенная Любовью,
Вечным Живым Огнём,
Рукой Твоей – К Изголовью –
Ожившая Скорбным Днём,

Чтоб Встать На Твоём Пороге –
Как Боль Твоя, Как Стрела,
Как Вещий Звонарь Убогий,
Ударив В Колокола

Набатом,
Набатом –
Звоном
До Края Земли, До Звёзд...
Каждый Удар – Стоном –
Молот Горяч От Слёз.
За Мать.
За Сестру.
За Брата.
За Родненькое Дитя.
Набатом,
Набатом –
Звоном
Ударив В Колокола.

Мы Все – При Чинах, И В *О*трепи –
Все Горькие Втихаря.
Рукою Твоею Крепимся,

Живём, молитву творя.
Все сжатые и натужные –
Метель уже столько лет.
Не холеные, не наутюженные,
Все сдавленные от бед
Стоим
Как столбы фонарные,
Как крест посреди пустыря,
Талантливые и бездарные,
Одинокие как стерня...

Внимала как песнь соло́вью
Твой стих – но нагрянул срок –
Христовой сочится кровью
Начертанное меж строк.

ШИВОРОТ

на

бъбрат

Обделёныш

1991

Прочервячил и затих как обделёныш,
Приспос*о*бившись за кр*а*ешком стол*а,*
Перестр*о*ечный рук*а*стенький детёныш,
Жирный – хвать кусок, как крохи с подол*а.*

И портрет невиноватый скирпид*о*нив,
Ск*о*рбной с*а*пою взирая на народ,
Порождает, в темноте наскорпи*о*нив,
Обделённую пор*о*ду из пород...

Рукастыш
1993

Изворю́жился Рука́стыш,
Распальцо́выш – крутоте́нь,
Охобе́тина лоба́стый, –
Кепарёнка набекре́нь.

Пробивается нахрапом
Ньювориша приблатень,
Фейсом лезет в телевизор, –
Кепарёнка набекрень.

Лихо щёлкает по по́нту
Расписная пофигень,
На шарнирах в душу мылит –
Кепарёнка набекрень.

Растузо́ваны долля́ры,
Как напу́пный выпендре́нь –
Тока в душу не пролезешь
Кепарёнкой набекрень.

На собрании
1995

Сюс*ю*ка отмуз*и*кала,
Маз*е*ндра пробурл*и*кала,
Хандр*ю*ля завяз*и*кала,
Окунча прикуд*и*кала,
Прикуд*е*лил Прит*ю*пик
И Каз*е*ра зака*у*кала:

– Нахандр*и*ли, раздерб*а*нили, об*о*дры,
Выдак*о*нились и выгнулись вконец,
Прогуд*о*нили, пром*ы*ргали Россию –
И накр*ы*шился конкр*е*тистый крынд*е*ц.

Уеду
1995

Нахлабучу вызундрепу
Помодню́чему наляпу,
Приповы́пендрюсь мондрядой
Помодулистому пи́ску,
Пощелчу́ навыкуча́бо,
Трипали́сто пощебе́чу
Да кривулисто лыбенясь,
Выпуря́нисто уеду.

Взъерепе́нишься, припу́зясь,
Постерля́чий обдерли́бчик.
Пикунд*ю*кнешь, прикузя́бнешь
Распузы́ристую кря́ку,
Чебурты́хнувшись, кривя́кнешь,
Постерля́чий обдерли́бчик,
И накузишься чувы́ндря
До рога́листых рожо́рий...

Крокодил
2001

Пришляпил дубол*о*бный технор*о*дыш,
Идейную мыслю – как народил.
И сразу взн*е*бился бескр*ы*лышный пар*о*дыш –
По небу ползает зубатый крокодил.

Презентаба
2001

Профигурил Презентаба,
Пролыжанил меж скромняг,
Натворянил суматохи,
Как бульдога меж дворняг.

Закокетились моргули,
Взбудоражился тусняк,
И теперь никто не смотрит
На безмордышей-бедняг.

Ух, ты
2001

Прибульдозил – ух, ты – ёлки...
Разглаголил – ух, ты – блин!
Прифрантованый с иголки
Матерёвый в парафин.

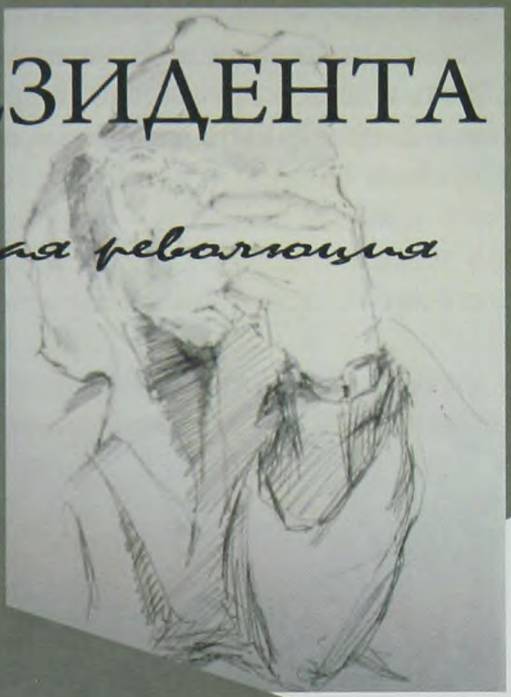
Отчебучил – ух, ты – нате...
Раздраконил – ух, ты ё!
Замажорил на физмате
Забубённым бугаём.

Разверстался – ух, ты – опа...
Прицыбанил – ух, ты – блин!
Отпосыленный с Европы
Нефтегазовый блондин.

ДНЕВНИК ПРЕЗИДЕНТА

или

бабская революция



Странное время

2000

Странное время. Какое странное время. Всё переплелось-перемешалось. Реальное с нереальным. Правда с ложью. Простое кажется сложным, а сложное смешным.

Словно перевернулся мир с ног на голову. Так вот и ходит. И привыкает… – самое странное и печальное – привыкает ходить-вертеться на голове. Жить и день, и другой день, и другой год, и другое десятилетие… – жить или просто быть вот в таком перевёрнутом состоянии…

Восемнадцать
1989-1991

Мне восемнадцать. Опора, на которой держалась моя уверенность и моя ветреность рухнула. Почва вышла из-под ног. Казалось, опустел мир – померк. И, как слепой котёнок, пытаюсь я двигаться, постоянно натыкаясь на что-то острое и постоянно куда-то падая. Почва под ногами не устойчивая – вязкая, склизкая, болотистая.

Пошли следующие восемнадцать… То ли жизнь, то ли адов жернов или горнила. Цепляюсь за жизнь. Я – даже не канатоходец, а лезвиеходец между двумя пропастями – изнанкой жизни и неестественно блестящей её лицевой стороной. От этого блеска исходит особый дух. Однажды я видела такой завораживающий блеск… – так в полдень блестит поверхность омута.

Интуитивно делаю шаг, другой, третий… Ощущается только постоянно пульсирующий обнажено-больной нерв. И неустанное: выжить-выжить-выжить…

Под кровавой луной
1991

Медленно… катился по небу кровавый круг. Он, то проваливался в фиолетовые облака, то вновь выкатывался на небосвод.

Душа моя, привыкшая летать, скорбела в ту ночь. Отяжелевшая, припала она к земле – Подножию Стоп, в надежде омыться ночной росой. Но замерла меж стебельков трав, скрутившись в яйцо…

Роса, ударяясь о твёрдую яичную скорлупу, пугливо отскакивала в сторону…

Пытаясь подняться, душа моя могла лишь катиться, ударяясь об упругие стебли трав. Беспомощно останавливалась. Замирала. И молилась…

Кровавым пятном зависла над душой моей луна. На неё то и дело громоздились неуклюжие облака… медленно.

Всякие мысли
1989-2004

* * *

Катаешься себе как сыр в масле. Потом вдруг по иронии судьбы: и белое – чёрным, и чёрное – белым.
Стоишь как из яйца в мир вылупившийся. Но такой трезвый!

* * *

Один пережитый день, бывает, равен целой жизни.

* * *

Когда дело доходит до серьёзных вещей… рак на безрыбье – не спасенье.

* * *

Петух клюёт – ойкаешь. Когда клюёт жареный петух – прозреваешь.

* * *

Беда не видящего дальше своего носа в том, что он и не замечает, как начинает вращаться вокруг самого себя.

* * *

Попав зерном под жернов судьбы остаться прежним невозможно – перемелет в муку.

Вот и молишься!.. – только бы выдержать – не ссучиться.

Лежишь потом на столе хлебом и думаешь, что ты уже не зерно – хлебушек.

* * *

На высокую гору поднимается человек не размашистым шагом – согбенно.

И нет эйфории. Падает плашмя. – Дошёл!

Дневник президента
или
бабская революция

(сатирическая фантастика)

2000

23.03.2017 год

Просматривал сегодня статистику прироста населения за первый квартал – по всей стране 107 новорождённых. Непорядок. Завтра же соберу совещание – будем разбираться, что делать, и кто виноват.

18.06.2017 год

Бабы вышли из-под контроля – отказываются рожать. За три месяца восемь детей по стране! Родили: сноха депутата, две дочки наших бизнес-деятелей, остальные пять – матери, лишённые родительских прав, роды состоялись в провинции, роженицы были в нетрезвом состоянии.

Дожилися! Страна в катастрофе. Журналюги ещё масла в огонь подливают – вместо того, чтобы агитировать изо всех каналов – Бабы, вскормим Отечество грудью! Расплодимся на зависть прадедам! – откуда-то раздобыли засекреченные данные, что уже с 2010 года женского населения в полтора раза меньше, чем наших мужиков. Весь мужской менталитет летит к чёрту! Годы труда прахом. – Как всё было хорошо: припугнул бабу, мол, хочешь мужа удержать – роди ему двух-трёх детей, а не то смотри, не ровен час к другой уйдёт. – Она верит. Рожает. Старается. А как же – думает – мужиков-то у нас мало.

Сам завтра выступлю по ТВ – призову россиян к мужской солидарности.

20.09.2017 год

Ситуация с рождаемостью уже раздражает. Сегодня на совещании спрашиваю: в чём причина? – глаза свои оловянные потупили. Причину никто не знает. Ну, я и не сдержался. Кулаком по столу и правду-матку вылил на этих членов правительства. Вы, что – говорю – не понимаете серьёзность ситуации?! У нас же в 2035 году запланированы военные действия! Как мне сейчас президенту той страны в глаза смотреть? – Треть бюджетов обеих стан в проект уже вложена. Мы каким человеческим ресурсом военный сценарий делать будем? Зрелище как раскручивать?!

А образование в Европе? – Что? – За собачий орган вашим сынкам там вакантные места предоставили? – За договор, где чёрным по белому, и под вашей, Купюр Продажович, подписью – обучение 9 российских граждан (год, стоимость – всё указано) осуществить в кредит. Оплату по настоящему договору обеспечить в 2033 году натурпродуктом – девушками от 14 до18 лет с хорошими физическими данными. О-о! Количество оных тоже указано. Ну и что? – Чьими попами кредиты закрывать будем?

А вы, Владислав Стуканович, надеюсь, уже подсчитали со своим пенсионным фондом, скольких миллиардов налоговых средств мы не досчитаемся в нашем бюджете?

Весь. Весь бизнес из-за этой ситуации начинает шататься! Ставьте всех на уши. Но чтобы причина мне, завтра же, была известна. Стратегически необходимо, чтобы бабы срочно начали рожать!

21.09.2017 год

Собрал совещание всех социальных служб, предложил на рассмотрение «Распоряжение о запрете продажи и использования всех

противозачаточных средств». Отклонили. Доводы, в общем-то, веские – спид и прочее. Не страна, а прямо рассадник какой-то.

Прозвучало, правда, несколько предложений. Директор НИИ ходатайствует о постройке инкубатора, для выведения детей в пробирках-биоэлистраторах, в точности напоминающих материнскую утробу. Всё подсчитал – биокормление, строительство и пр. По срокам у него выходит, что для появления первой партии потребуется 21 месяц – это плохо. У нас каждый месяц на счету. И потом, всё-таки инкубатор – это не выход. Дороговато!

А вот директор института по исследованию социальных процессов посчитал, что в данной ситуации необходимо провести масштабное исследование по определению социально-статусной пропорции. Ох, и замучил он меня своими проектами. И предлагает-то ведь он уподобить исследование выборам! В каждом населённом пункте на участках поставить три урны с надписями «бомжи», «инвалиды», «беспризорные дети». Звучит, конечно, как-то грубо, надо бы помягче. Ну, например, «граждане без определённого места жительства», «граждане с ограниченными возможностями в области здоровья» – хотя суть-то от этого, конечно, не меняется, но населению всё-таки поприятней. Граждане приходят и на заранее заготовленных бланках, вписывают свои: имя, фамилию, отчество, пол, возраст. Затем, поставив галочку в нужной графе социального статуса, опускают бюллетень (лист учёта) в нужную урну. Счётная комиссия подсчитывает. К утру следующего дня известны результаты. Быстро и эффективно.

По поводу эффективности спор длился более часа. Критиковали это предложение все. – Любим критиковать-то. Научились. Языком-то молотить – не детей делать. Собрали всё: и затраты на рекламу, на полиграфию, на урны... Просчитали, что не целесообразно это. А ведь

затрат-то в принципе не более чем на выборы. Провести, конечно, сможем, если захотим. А вот захотим ли мы, точнее, захочу ли я – вот об этом надо ещё подумать.

22.09. 2017 год

Подписал Приказ «О создании специальной комиссии по контролю над динамикой рождаемости». Меж собой все быстрёхонько её окрестили – комиссией по бабскому вопросу.

28.09.2017 год

Провёл сегодня расширенное совещание. Председатель комиссии по бабскому вопросу доложил, что с женщинами члены комиссии встречались лично. Многое удалось выяснить. Но меня возмутило, что бабы не просят – они требуют жильё. И аргументируют-то чем? – гусеницами! Говорят: «Прежде, чем птица произведёт на свет птенца – она вьёт гнездо. Гусеница, и та имеет дом во время родов – куколку. Чем же мы хуже гусениц?» Надо же, дом им захотелось. Вон, в войну бабы в поле рожали – и ничего! Китайцы, что во дворцах живут что ли? – А плодятся – спасу нет!

Тут сознательность повышать надо, а не бюджет расщипывать.

05.10.2017 год

Девять часов утра. Пишу в машине. Не могу проехать к Кремлю. Это какое-то наваждение! – Все улицы буквально заполнены бабами, старушёнками, инвалидами. Откуда их столько?! Как муравьев в муравейнике. Всюду плакаты. Взял бинокль, прочитал – что там только ни понаписано! И «мирную жизнь – народу», и «не рожу сына для пушечного мяса», и «думай о потомстве своём – не плоди бездомных»,

и «рожать на трезвую голову – забота государства». На одном вообще младенец нарисован с огромной фигой и надпись «не дам себя убить!»

Надо немедля прекращать этот маскарад и вызывать армию! С другой стороны, усмирять-то кого? – этих, в инвалидных колясках? Нет – здесь надо батюшку! Пусть доставляют на вертолёте. Я направляюсь сейчас в служебную квартиру. А батюшку сначала ко мне.

Двенадцать часов дня. Лучше бы этот отец Михаил не прилетал. Не вошёл ко мне, а ворвался, запыхавшись. Сам белёхонький, дрожащий. Открыл библию и давай мне ею перед самым носом махать, щебетать невесть чего: «Относись к женщине как к драгоценному немощному сосуду». Отца и мать приплёл. – Вобщем, и церковь туда же!

Поставил на свою голову отца Михаила – доходатайствовался. Глаза у него открылись! Пять лет с барского стола кормился – не поперхнулся. Деньги – пачками в банк Швейцарский перегонял – подаяния старушечьи на благо нищих. Я ему – на, живи! Ни налогов тебе, ни отчётности! Строй, дорогой, за бюджетные деньги свои церквушечки хоть в каждом захолустье, лишь бы народ у меня был тихонкий, набожный да послушливый.

А чем отплатил? – Ишь ты, глаза у него открылись! – Нельзя народ в собачьих условиях держать! Пять лет назад сам, пухленькой своей ручошкой опосля проповедей у меня в кабинете подписывал лицензию первого канала на показ пивной рекламы, боевиков, да всякого, как приговаривал, «развратного безобразия». Причмокивал. «Пусть. Раз заложена в человеке искра божия, значит, процентов двадцать да придёт к нам в церковь покаяться да успокоения душе своей заблудшей найти. А нам больше-то и не надо. Нам и двадцати-тридцати процентов хватит для поддержания, так сказать, штанов и вековых традиций».

А тут – на-а те, прозрел! Глаза у него раскрылись! Господь к нему во сне явился. А говорил-то – побелел весь, аж сквозь бородёнку бледность выперла. Самого потряхивает. Шибко, видать, струхнул-то деятель церквушный. С живота даже спал.

Да… Упечь бы его куда подальше. По ранешним временам упёк бы в Сибирь – сейчас нельзя его туда. Итак, одна маята с этим народом. – Доссылались!

Направлю его, пожалуй, в какой-нибудь Саратов. Народ там вроде смирный. И пусть себе щебечет о своём Боге. А сюда кого-нибудь побойчее да посмелее приставлять надо. Самсона Григорьевича? – А что, заводом металлургическим он руководит неплохо. Мужик он видный, басовитый, нахрапистый. В рясу одеть – чем не батюшка.

Правда Самсон библии-то, поди, в глаза не видал. Ничего – не боги горшки обжигают. Прикрепим к нему репетитора по этой части – до завтрашнего утра обучит. Зато он такую проповедь бабам устроит – разом разродятся.

Четырнадцать часов. Позвонил Гнилов, беспокойным голосом поинтересовался: «Что делать?» Женщины к нему приходили целой делегацией. Поулыбались. Положили на стол какую-то бумагу. Раскланялись и ушли. – Велел, чтобы он мне по факсу петицию эту скинул. Поглядим, чего хотят.

А потом улечу на недельку к себе на дачу. Отдохну, в баньке попарюсь. Бабы к тому времени отмитингуются. Самсон Григорьевич за это время отпроповедует их как следует. И смело можно во все СМИ направляться с официальным заявлением, что проблема сложная, со многим согласны, обсуждаем, решаем – для пущей убедительности можно добавить – думаем, в ближайшее время решим. Вы, главное, рожайте, бабоньки! – И всё как прежде…

Пятнадцать часов. Принесли факсимильную копию петиции. Оформили всё как полагается. На бланке, по пунктам, с подписями. Ишь ты, не просят они – требуют! «Пять процентов налогов от изымаемых тридцати пяти направлять на строительство жилых домов непосредственно в населённых пунктах расположения налогооблагаемых предприятий». Пять процентов! Размечтались! – Это, какие деньжищи-то! С такими аппетитами полглобуса застроить можно. Этакими темпами уже через год мы со своими новостройками в Африку вклинимся.

А мужики-то хороши! Отдельным пунктом нарисовали: «Мы своих жён поддерживаем, и, если ситуация кардинально не изменится, то ради благополучия своего потомства, запретим им рожать ещё три года». – Ну и что это?! Ответственность за род в них заговорила! Вон, в восьмидесятые прошлого столетия – пили как сволочи, а плодились как мухи. И ни о потомстве, ни о роде своём не задумывались.

Дальше пишут вещи, совсем находящиеся за гранью реальности: «Исключительно в медицинских целях снятия опасной для членов Правительства и депутатов Думы болезни – мозгового ожирения, необходимо ежегодное месячное лечение. Все счета и банковские карточки на период лечения нужно заморозить. Членам Правительства и депутатам Думы должен быть выдан наличными либо прожиточный минимум, либо минимальный размер заработной платы. И больные должны быть размещены на месячное проживание в различных населённых пунктах нашей любимой Родины. – Такое лечение обеспечит стране очень быстрое принятие законов, необходимых для развития, и невероятно высокую динамику роста по всем показателям».

Так-так. А вот это уже серьёзно. Во-о-он чего требуют-то! «Ввести гласный аттестационный лист на соответствие членов Правитель-

ства и депутатов Думы профессионально-статусному уровню. Издать закон о квотах в Думу, согласно которому депутатский корпус должен состоять на 20% – из профессиональных управленцев, на 30% – из профессиональных юристов – и т.д. военные – 0,2%!» – Да-а… Поумнел народец. И когда только успел поумнеть-то? Ё-о!.. Так это же революция! Бабская?.. – Бабская революция!

Жить надо
1996

Ловко защёлкнув пряжку ремня безопасности, Люська откинулась на неудобную поскрипывающую спинку кресла в самолёте ЯК-40. Зацепившись взглядом за металлическую табличку с надписью «Запасной выход», она, наконец, попыталась расслабиться, мысленно вообразив, что её тело – это желеобразная масса, которая медленно расползается по креслу.

Ничего не выходило. Не отпускал вчерашний разговор в андринской больнице.

– Что вы, дамочка, от меня хотите? – проговаривала каждое слово пухлыми, неровно накрашенными губами врачица, не переставая подтачивать ногти маникюрной пилочкой. – Я ещё раз вам объясняю: я не принимала роды 14 сентября 1994 года у вашей сестры. И не понимаю, о какой такой родовой травме, о каком внутричерепном давлении идёт речь.

– Как, о каком? – дрогнувшими губами прошептала Люська.

Ещё каких-то два месяца назад Люська была абсолютно уверена в том, что весь мир создан исключительно для радости и открытий – распахни шире глаза и удивляйся брызгающему золотом озорнику – рассвету, красногрудому закату, вспыхнувшей и взбушевавшейся яблоневым цветом любви…

Сейчас же весь мир казался ей чередой нескончаемых ожиданий у кабинетных дверей адвокатских контор, больниц, с въедливым запахом лекарств и спирта. Она вот-вот готова была расплакаться от собственного бессилия. От того, что всё прекрасно понимают суетливые

глаза врачицы. Всё понимают! – И не хотят понимать!

Как щитом – криком отгородилась врачица от Люськиного шёпота: «Мне абсолютно не интересно, что там установили в вашей Свердловской клинике! У нас в регистрационной карте детей с вашим диагнозом не указано! – и уже более спокойно продолжила – И не могу я вам сказать, где найти ту акушерку. Не могу, потому что она ещё в девяносто четвёртом году поменяла место жительства, – наклонив голову, и указав на Люську острым концом пилочки, она процедила сквозь зубы. – И ва-а-аще, мне больше не о чем с вами говорить. Меня больные ждут. – Она повернула голову к дверям, прокричала – Следующий!»

Больше всего на свете Люське хотелось сейчас разом сгрести в кучу все небрежно раскиданные по столу карты больных и с силой обрушить их на голову врачицы. Побледневшая, поднялась она с деревянного обшарпанного стула. Что есть мочи, прижав ладони к столу, как приклеив – замерла. Застыла, опустив голову. Затем посмотрела в упор в глаза медработницы. Та, выронив пилочку на пол, вдавилась в кресло. Рывком развернувшись, Люська вышла из кабинета, не оглядываясь на оторопевшую, не проронившую больше ни слова врачицу.

Обивая каблуки о больничный кафель, направляясь к выходу, Люська, сжав губы, молча плакала. Без слёз. Плакалось где-то глубоко. Внутри. В сердце. А рядом шёл мамин голос, словно замолчавший вдруг в телефонной трубке.

– Не знаю, доченька, что и делать. Полюшка ведь после того, как её в баньке помыли, девять дней в состоянии комы пробыла. А кто знал-то, что у неё от рождения внутричерепное давление. В карте-то оно не указано. А с ним, не то, что в баньке мыться – на тёплом воздухе даже находиться нельзя было. Сейчас из комы-то вышла. Но до сих пор ни

на что не реагирует. Лежит, как неживая, – голос мамы то и дело обрывался.

– А что врачи говорят?

– А что врачи… – она замолчала.

Но прежде, чем скрипучий приговор телефонистки «ваше время истекло», как холодные ножницы перерезал нить, соединяющую две родных души молчанием – голос матери успел, как невидимое существо выскользнуть из телефонной трубки, и теперь повсюду волочился за Люськой. То всхлипывая, то срываясь, то иглой вонзаясь молчаливым плачем материнского отчаянья в Люськино сердце.

* * *

Самолёт, содрогнувшись железным телом, коснулся посадочной полосы. Бортпроводница осведомила пассажиров, что температура за бортом +28. «Это хорошо» – подумала Люська. Остановившись в узком проходе багажного отделения, она зажмурила от удовольствия глаза, когда солнечный свердловский луч, проскользнув сквозь суетливо толкающихся к трапу пассажиров, как весёлый щенок лизнул ей нос и ресницы.

Солнце жарило в полную силу. Спустившись с трапа на жарко дышащий, мягкий асфальт, ожидая неуклюжего, как бегемот, автобуса, который повезёт в город, Люська набиралась духу, чтобы отправиться в больничный стационар.

* * *

Сигаретный дым ожёг горло. Рука вздрагивала. Никак не могла Люська найти в себе силы сделать несколько шагов и открыть дверь, за которой уже два месяца «живут» племяшка и сестра. От мысли, что сей-

час надо будет лоб в лоб столкнуться с действительностью, её охватил страх. Все её попытки хоть как-то изменить ситуацию, оказались лишь бесполезной тратой времени. Районный врач, который, как выяснилось, ввел Поле не то лекарство, точно взбесившийся лев рывками двигался по кабинету, рыча: «У нас такое случается – в суматохе потеряли карту ребёнка. Ну, ничего же – завели новую». Адвокат запросил таких денег, которых у Люськи естественно не было. А без денег в нашем «самом гуманном» государстве в туалет-то на вокзале не сходишь, не говоря уже о том, чтобы отсудить у врачей, «случайно» подведших ребёнка к генерализированной атрофии головного мозга, необходимую на лечение сумму. Случайное ли это стечение обстоятельств? Цепочка ли отдельных врачебных преступлений? – углубляться в этот вопрос у Люськи уже не было сил. После вчерашнего разговора с врачицей андринской больницы, она отчётливо понимала: «Надежды на улучшение нет. И взять её неоткуда».

Страх, подкравшийся внезапно, как паук, вдруг пополз по телу. Люска содрогнулась от его присутствия. Страх возрастал с каждой секундой, превращаясь в огромную чёрную зияющую дыру, которая поглощает в себя всё: пространство с его зеленеющими деревьями, больницу с её запахом, надежду…

Люська ощущала себя такой хилой и мелкой – не способной к какому-либо действию. Это гнетущее чувство парализовало не только волю, но и любую попытку мыслить. Словно замерло всё вокруг, потемнело. Ни листва не шелестит, ни комар не летает, ни люди не движутся – нет их… И только частое биение Люськиного сердца – единственный признак жизни…

Вдруг Люська как наяву почувствовала, что сидит на коленях у своего отца, ещё живого, около русской печки и смотрит на огонь. А в

доме так тихо-тихо, только дрова потрескивают. Языки пламени, поблескивая, отражаются на печном кафеле перьями огненной птицы... Отец берёт Люськину руку в свою, с огрубевшими мозолями, и тихонечко говорит: «Доча, смотри, поленья и те не боятся в печку лезть, хоть и понимают, что сейчас сгорят. И всё равно, ишь ты, радуются ещё, трещат, смолой плюются… А ты у меня какого-то экзамена по физике испугалась. А ты не бойся. Ты делай. Страх, он ведь действия боится…»

«Ну, же, девочка моя, вставай! Всё будет хорошо! Главное – олимпийское спокойствие. Что бы ни происходило, надо всегда стараться быть выше обстоятельств» – стал мысленно уговаривать Люську голос отца.

Оторвавшись от лавочки, на которой сидела, округлив спину, докуривая очередную сигарету подряд – Люська заставила себя выпрямиться. И шаг за шагом направилась она в сторону больничного корпуса.

* * *

Сквозь стекло коридорной двери Люська увидела, как медленно и тяжело двигалась по коридору ссутулившаяся женщина с ребёнком на руках. Только когда женщина подошла ближе, Люська узнала в ней сестру.

Холод пробежал по спине. Стекло двери покрылось мелкими чёрными точками. Казалось, ещё шаг сестры и Люська осядет на каменный больничный пол, прилипнув спиной к дверному косяку…

Но собрав всю свою силу, Люська распахнула дверь и подалась вперёд. Протягивая сестре пакет с фруктами, попыталась спокойно, даже радостно проговорить:

– У-у-у! Леночка, родная моя, здравствуй!

Сестра подошла, тихо прикоснулась ухом к её плечу и прошептала:

– Вот.

Меж воспалённых от слёз и бессонницы век, в потухших глазах сестры темнело бесконечно тягучее чувство отчаянья, близкое безумству.

Как-то резко толкнулось сердце, словно ударившись о что-то острое. Сжалось. И откуда-то прямо из его раны вырвались слёзы, комом застревая в горле… Люське показалось, что всё вокруг стало расплывчатым. Она чувствовала, что от бессилия теряет и равновесие, и контроль над собой. «Что-то нужно делать» – проблеснуло в голове. И сдавленным голосом Люська произнесла, глядя на племяшку: «Маленький мой, иди ко мне».

Поля, которая до этого полулежала на руках сестры, свесив свои ручонки, словно маленькие плёточки, положив свою кучерявую головку на материнские ладони, продолжая смотреть прямо перед собой, хлопая огромными чёрными ресницами – улыбнулась…

– Ты моя хорошая! – Люська осторожно взяла на руки, прижала к себе, похожую на неё как две капли воды, дочь сестры. – Лен, ты чего плачешь-то? Смотри, она улыбается! – тихо обратилась к сестре, вглядываясь в подавшие признак жизни детские глаза.

– Люська, ты не понимаешь. Ведь это первая её реакция после… – и Лена осеклась, не договорив. Задыхаясь от слёз, она уткнулась лицом в ладони, и, отойдя к окну, отвернулась.

Глаза Полюшки открыто смотрели на Люську. Что могла Люська сказать этим глазам?.. Они просились жить – впитывать в себя мир.

– Лен, пойдём, прогуляемся. Смотри, на улице прелесть какая! – вдруг неожиданно для себя проговорила Люська, и, не дождавшись

ответа, продолжила – на рынок надо сходить, купить кое-чего... в парикмахерскую…

– В парикмахерскую?! – утирая слёзы воротом халата, удивилась сестра.

– Волосы красить.

– Да ты что?! Какая мне сейчас парикмахерская? Разве мне сейчас до этого.

– До этого, Лен… Жить надо, понимаешь… – тихим, но очень твёрдым голосом отрезала Люська. Немного помолчав, добавила – я вас с Полюшкой на улице подожду, – и, не дав сестре даже возразить, она выскользнула за дверь.

Душно было Люське. Воздуху не хватало. Как чужими, отяжелевшими медленными шагами шла она, не замечая уже ни солнца, ни зеленеющей листвы, ни вальяжно прогуливающихся по асфальтовым дорожкам прохожих…

Сделав ещё несколько шагов, она, словно от острой грудной боли вдруг стала сворачиваться, крепко скрестив руки. Обессилев, медлено опустилась на корточки. И, сев, покачиваясь словно маятник – не то застонала, не то заскулила.

Словно тяжёлый крест, взвалился на плечи, придавив.

Казалось, минула уже целая вечность. Год, другой, третий…

А она всё словно маятник…

* * *

Ну, же, девочка моя, вставай! – будет уговаривать Люську голос Отца. – Ещё один шаг… Сейчас откроется дверь…

За что?
2001

Детство, детство…– весёлое, беззаботное порхало ото дня ко дню, словно лёгкая бабочка от цветка к цветку. Мы, дети нашей улицы, с ранних лет росли в одной разновозрастной компании. Но что нам разный возраст? Разве кто-нибудь думает в детстве о возрасте? Крепко мы дружили. Три девчонки нас – Алёнка, я, Танюха, остальные восемь – пацаны. Играли, огородничали, жгли ночные костры. Став постарше, забрасывали за плечи рюкзаки, гитары и отправлялись на Шунут-камень – встречать рассвет.

Пришло время – наши старшие мальчишки уходили в армию. Провожали шумно, весело – всей улицей. Гармонь мехами плясала, на гитарах струны рвались, половицы деревянные во дворах повизгивали от уральских дробушек да частушек. А Танюшка, школьница ещё, всё подшучивала: «Ой, парни, служите – не срамите. А мы уж тут от весны до весны ждать будем. Невестами вас встретим. Платья белые сошьём. Чтобы в платьях белых весь мир кружился – чтобы свадьбам места было мало на земле…»

* * *

Год прошёл. Весна вспыхнула белыми черёмухами. Татьяна прижмёт письмо на тетрадном листочке в клеточку к щеке, и в платье белом кружевном перед зеркалом нет-нет, да и закружится-завертится. А весна-то, весна-то какая! Брызжет! Пряная! Окна школы нашей – настежь. Пишет учитель математики мелом на доске формулы: «икс + игрек...» А Танюшка в своей тетрадке в клеточку пишет формулу: «Таня+Андрей=Любовь».

Но зазвенел звонок раньше времени.
Беспокойно зазвенел, словно колокол.
Сашка с армии пришёл – цвет осыпался.
Сашка с армии пришёл раньше времени.

Встали вдоль дороги все школьницы
по обеим сторонам в чёрных фартучках.
Встали вдоль дороги все школьники
по обеим сторонам с чёрным воротом.

Заводской гудок, как плач пред иконою.
Чёрной лентой вдоль дороги все жители.
И встречали, провожая колонною –
Сашка с армии пришёл раньше времени.

Беспокойная весна – неуютная. Две недели не прошло – цвет осыпался. Через день – чёрной лентой все жители. Через день – провожали колонною. Наши мальчики домой торопились. Санька, Вадик, Рафик…– наши мальчики… Раньше времени пришли, раньше времени. Две недели не прошло – весна вызрела. А в Татьяниной груди ещё теплится: «Жив Андрюха» – и рука пишет формулу. На Татьяниных плечах ещё держится платье белое – тайком, перед зеркалом.

Но опять звенит звонок, словно колокол.

Кто?! – Андрюха!

И колонна поплыла чёрным лебедем беспощадною весной, раньше времени…

Вдоль дороги вехой – чёрной линией,
Беспощадно скорбный день настал.
И ударил роковою молнией
В девичью судьбу Афганистан.

И любовь, подстреленною птицей,
Падала с небесной высоты.
Увядали, не успев раскрыться,
Первые весенние мечты.

И упало наземь платье белое,
Потемнела белая фата.
За ночь переспели щёки спелые,
За ночь наша Танька оцвела.

Вдоль дороги вехой – скорбной линией
Словно гиря на душе – двухсотый груз.
И застыла в чистом взгляде девичьем
Не по-детски каменная грусть.

* * *

Юность, юность…– шальная, дерзкая бежала ото дня ко дню, словно быстроногая гибкая лань. Мы, дети нашей улицы, смело врывались в юность. Юбочки, танцы, первые робкие поцелуи… Три девчонки нас – Алёнка, я, Танюха, остальные четверо с нами и четверо в памяти – пацаны. Играли, огородничали, жгли ночные костры, то вдруг забрасывали за плечи рюкзаки, гитары и, взяв с собой палатки, отправлялись на Дыроватый камень-скалу по тропе Бажукова – встречать рассвет.

Пришло время – наши младшие мальчишки уходили в армию. Провожали тихо, беспокойно – всей улицей. Алёнка всё теребила в руках синенький платочек, плакала да шептала: «Только вернитесь! Только живыми вернитесь! Мы дождёмся – и весну, и другую весну дождёмся. Только обязательно вернитесь, родненькие!»

* * *

Год прошёл. Весна вспыхнула белыми черёмухами. Каждое утро заглядывает Алёнка в почтовый ящик – давно почему-то писем нет. Прижмёт зимнее письмо на тетрадном листочке в клеточку к сердцу, и тихо-тихо плачет. А весна-то, весна-то какая! Брызжет! Пряная! Окна института – настежь. Пишет профессор мелом на доске формулы тригонометрии, но Алёнка в своей тетрадке в клеточку пишет формулу: «Только бы живой…»

Но звонок опять как рок, раньше времени.
Как набат над головой, словно колокол.
Женька с армии пришёл – ветви дрогнули.
Женька с армии пришёл раньше времени.

Встали вдоль дороги все школьницы
по обеим сторонам в чёрных блузочках.
Встали вдоль дороги все школьники
по обеим сторонам с чёрным воротом.

Заводской гудок, как плач пред иконою.
Чёрной лентой вдоль дороги все жители.
И встречали, провожая колонною –
Женька с армии пришёл раньше времени.

Молчаливая весна – холодящая. Две недели не прошло – весна вызрела. Через день – чёрной лентой все жители. Через день – провожали колонною. Наши мальчики домой возвращались. Женька, Юрка, Игорёк – наши мальчики… Раньше времени пришли, раньше времени. Две недели не прошло – небо мрачное. А в Алёнкиной груди ещё теплится: «Жив Серёга» – и рука пишет формулу. И в Алёнкиных глазах ещё светится пламя юности, как свечка зажженная.

Роковой звонок завыл, словно колокол.

Кто?! – Серёга!

И колонна поплыла чёрным лебедем беспощадною весной, раньше времени…

Опустилось небо птицей огненной.
Душу словно пламенем ожгло.
В этот миг, казалось, во вселенной
Время тяжким бременем легло.

Птицы замолчали – словно голос
Пропадал в нависшей тишине.
Поседел внезапно юный волос
На девичьей русой голове.

Ветер – не посмел её тревожить,
Словно пёс у ног её затих.
Доля вдовья рубцевала кожу,
Карабахом юность раздробив.

* * *

Детство, детство…– весёлое, беззаботное порхало ото дня ко дню, словно лёгкая бабочка от цветка к цветку. Юность, юность…– шальная, дерзкая бежала ото дня ко дню, словно быстроногая гибкая лань. Мы, дети нашей улицы, с ранних лет росли в одной разновозрастной компании. Но что нам разный возраст? Крепко мы дружили…

Три девчонки нас – Алёнка, я, Танюха –
Ходим, молча меж кладбищенских оград.
Только фонари гвоздик багровых
Освещают пламенем закат.

Было детство наше светлым городом,
Траурной каймою мир предстал.
Налетев недобрым чёрным вороном,
Отобрал парней Афганистан.

Ходим молчаливые, бескрылые,
Вешние, но на исходе дня.
Крылья наши белые – наших мальчиков
Забрала безжалостно Чечня.

Даже время – время быстротечное
Молчаливо… – чувствует вину.
Только раненые крики лебединые
От земли пронзают вышину.

Острой болью дней военных лозунги –
«Всё для фронта. Не забыт никто»...
Деды наши – полегли за Родину.
А вот наши мальчики – за что?!

Сказка о том, как Иван-Дурак журнал читал

1997

Жил был Иван-Дурак. Сам дурак-дураком, но журналы-то почитывал…

Жил Иван с матерью в избёнке на четыре окна. Избёнка стояла на самом краю села. А село то, коли сверху на него взглянуть, чашу напоминало. В центре пруд – дно видать. От пруда, аж до самых краёв «чаши», избы добротные расположились. И окаймляют чашу-село леса еловые.

Жил Иван на свете двадцать годков – горя не знавал. Лежит себе на печи, трескает бублики за обе щеки. Один съел – за вторым потянулся, другой съел – за третьим потянулся… За третьим-то потянулся – глядь, а вместо бублика в руке у него журнал! Обложка-то у журнала уж больно красивая, яркая.

«Западная, видать», – Иван подумал. Погладил рукой обложку.

Открыл Иван журнал – а бумага-то под обложкой пожелтевшая, точно у газеты старой. Страницы все в тёмных жирных пятнах. Будто кто на листы журнальные селёдку клал. Удивился Иван – присмотрелся – буквы вроде знакомые, мелкие правда. Но только Иван одно слово прочитал, как стал темнеть лист журнальный. Буковки запрыгали… Лист совсем чёрным стал. А пятна жирные кровью налились. Иван глаза зажмурил. Вдруг яркий свет в глаза Ивановы ударил. Открыл Иван глаза, а перед ним не лист журнальный – окно. И вся Русь Великая в том окне, как на ладони. Изумился Иван диву такому, вглядываться стал… И видит…

Идёт по Руси широким шагом горбатая Перестройка. Где ни пройдёт, там памятники разрушаются, улицы переименовываются, предприятия разоряются, деревни пустеют.

Внимательнее вгляделся Иван в окно. И видит…

Из избы в избу шастает костлявая безработица, цены как тесто на дрожжах – растут, старики как листочки осенние – вянут да нищают. А на фоне повальной разрухи как-то неестественно быстро и повсеместно появляются церкви. Только купола у тех церквей на солнце не блестят.

Ещё пристальнее вгляделся Иван в окно. И видит…

Сжигают березовские перед телекамерами свои партбилеты. А березовских-то мно-о-ого! Аккуратно распиливают они страну на лакомые куски – только кровь из-под пил вместо опилок. И садятся они на лакомые куски, как пеструшки на яйца.

Страшно стало Ивану. Отпрянул он от окна. Но вдруг увидел себя. Лицом к лицу оказался. Глаза в глаза смотрит. Вдруг развернулся в окне и пошёл.

Любопытно стало Ивану – куда это он, дурак, пошёл? Присмотрелся…

Идёт Иван в окне по незнакомому городу северному. Навстречу ему человек, с виду хохол.

– Мир, тебе, добр человек, – говорит Иван. – Кем будешь?

– Хант я, – хохол отвечает.

Удивился Иван сам в себе, а вслух произнёс: «А с виду вылитый хохол».

– Это я по батьке с мамкой – хохол, а по паспорту – хант я, – улыбается человек. – А сам-то, кто будешь? – покручивая рыжий ус, прищурив голубые глаза, спрашивает высоченный хант.

– Иван я.

– А-а! – протянул хант. – То-то я смотрю, понаехало вас, Иванов, на мою-то землю!

Не нашёлся Иван, что ответить хохлу-ханту. Помолчал и перелистнул журнальную страничку.

А на второй страничке снова окно. В том окне видит Иван…

Выходит он за калитку отчей избы. Бежит босым по траве прямиком на мыс – искупнуться вечерком.

Солнце в это время огромным блином сползает с небесной сковороды, скатываясь за крыши домов. По небу плавно растекаются бордовые, оранжево-жёлтые разводы. А на потемневшей воде пруда, словно хвост пятиметрового подлещика, поблёскивая своей чешуёй, переливаясь всеми цветами радуги, рябит солнечная дорожка…

Засмотрелся Иван на закат. А страничка возьми, да и сама перелистнись....

И видит Иван в новом окне…

Кремль – точно он. И кирпич красный. И звёзды. И мавзолей. Иван видел такую картинку в букваре. А тут – рукой щупай – не хочу! Вот она – Москва-матушка! А народищу-то видимо - ни видимо, меряно - ни меряно. Радостью сердце Иваново забилось. Стоит – ногу на пятку. Оглядывается. Поговорить бы с народом столичным, – думает.

И только заговорил было – как вдруг, спиной, спиной – и прижался к стене кремлёвской. Народищу-то видимо - ни видимо, меряно - ни меряно. Но люди-то все идут – безликие! Ни глаз у них, ни выражения на лице – только языки в прощелинах, вместо губ. И говорят, говорят, говорят. Языки вертятся.

Прислушался Иван – уши навострил. А говор-то непонятный. Вроде бы и свой – русский. А вроде бы и не свой – заморский. И вроде понимает Иван говор-то. Но что ни слово – то консенсусы, да провайзеры… Никак этот говор Ивану в темя не идёт – не втемяшивается. В душу Ивану никак этот говор не проходит – дух это не русский – заморский дух.

Стал Иван затылок чесать – думать. Неуютно было на его душе. Молча стоял он посреди людского потока. Шло время. А он всё стоял и думал. О том, что его, Иванова Родина осталась там, у старой избы на четыре окна. У тумана на его мысу…

Не стал Иван дальше журнал читать. Захлопнул. А журнал-то, как змейка, закрутился в руках Ивана и свернулся, оставив лишь дырку от бублика.

Посмотрел Иван вокруг. Дома он, на печи. В окно избы лучи закатные заглядывают. «И вправду я – дурак-дураком» – подумал Иван. Но журналы с тех пор больше не читал.

СЛОВАРЬ

СЛОВАРЬ

Словарь

Принятые сокращения источников

БЭС – Большой Энциклопедический словарь/ М.: Большая Рос. Энциклопедия, Спб.: Нифинт, 2000.

Словарь Даля – Даль В. И.. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: А\О Изд. Группа «Прогресс», «Универнрс», 1994.

Словарь Ефремовой – Толковый словарь русского языка/ Под ред. Т. Ф. Ефремовой – М.: Рус. яз., 1986.

Словарь Ожегова – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: «Сов. Энциклопедия». 1973 – 846с.

Словообразовательный словарь – Словообразовательный словарь русского языка/ автор-сост. А.В. Семёнов – М.: ЮНВЕС, 2002 – 703с.

Словарь Ушакова – Словарь русского языка в 4-х томах/Под ред. Д.Н. Ушакова – М.: «Сов. Энциклопедия», 1935.

Б

Бель – *«Середина мая. Валит бель/На платки и плечи колоколен» (стр. 53)*

Бель – белизь, белизна – яркий, чистый белый цвет.

Бель ж. – то же, что: белизна/ *Словообразовательный словарь*

Белизна ж. – яркий, чистый белый цвет. Белизна снега. / *Словарь Ожегова*

Белизна ж. – малоупотребимое белость ж. состояние, сущность, свойство белого. Белизна, белина, белинка или белизь ж. / *Словарь Даля*

В

Воочию – *«Зрите очищение воочию...» (стр. 8)*

Воочию – наглядно.

Очи, очей мн. Око-а ед. (устар. и высок.) и (стар.) очеса, очес, ср. (устар. и высок.). То же, что глаз (в 1 знач.)/ Словарь *Ожегова*

Втихаря – *«...все горькие втихаря» (стр. 55)*

Втихаря (разг.) – тайком, молчком, тишком, втихую, втихомолку.

Втихаря́ *нареч. разг.-сниж.* То же, что: втихомолку./ *Словарь Ефремовой*

Выдюжить *– «...Ваня выдюжит – встанет Русь» (стр. 36)*
Выдюжить – выдержать, вытерпеть.
Выдюжить жу, -жишь; сов. (прост.). Выдержать (во 2 знач.), вытерпеть./ Словарь *Ожегова*

Г
Голытьба *– «Растачивать метраж на голытьбу» (стр. 30)*
Голытьба – голь; в Русском государстве городская и сельская беднота, обычно не имевшая постоянного местожительства и нанимавшаяся на различные работы. См. также Гулящие люди. /*БЭС*
Голытьба, -ы, ж., собир, (устар. пре-небр.). То же, что голь. / Словарь *Ожегова*
Голытьба, голытьбы, мн. нет, ж., собир. (устар.). Беднота, оборванцы. Гуляет нынче голытьба. Блок./ *Словарь Ушакова*

Д
Дефолт *– «Верю твёрдо – душой молюсь/Да не сломят дефолты Русь» (стр. 36)*
Дефолт (en. Default – невыполнение обязательств) – невыполнение договора займа, то есть не оплата своевременно процентов или основного долга/ *Википедия*
Дефолт (от англ. Default) – отказ выплачивать долги, невыполнение обязательств, несоблюдение правил. Дефолт 1998 года в России – экономический кризис 1998 года в России (также называемый Дефолт по названию одной из причин кризиса) был одним из самых тяжёлых экономических кризисов в истории России. Основными причинами дефолта были огромный государственный долг России, порождённый обвалом азиатских экономик кризис ликвидности, низкие мировые цены на сырьё, составлявшее основу экспорта России, а также популистская экономическая политика государства и строительство пирамиды ГКО (государственные краткосрочные обязательства). Собственно датой дефолта является 17 августа 1998 года.

З
За кордон *– «Всё брошу и уеду куда-нибудь в Лондóн,/В Париж или Неаполь – короче, за кордон» (стр. 28)*
За кордон – за границу, за рубеж, на чужбину, в загранку, за бугор./ *Словарь синонимов*
Кордон, -а, м. 1. Пограничный или заградительный отряд; пост охраны. 2. Место, где находится такой отряд или пост. Уйти за к. (перейти границу; разг.). Лесной к./ *Словарь Ожегова*
Кордон, кордона, м. (фр. cordon). Отряд пограничной охраны (воен.)./ *Словарь Ушакова*

Занавески – *«И занавескам сатиновым/Худо в окне-колыбели» (стр. 39)*
Занавеска, занавески, ж. Сшитая из ткани Завеса для окон (опускающаяся или задергивающаяся), штора. Оконные занавески. || Завеса из ткани, отгораживающая часть комнаты. Изба была перегорожена занавеской. /*Словарь Ушакова*

К

Кичиться – *«Казнокрады кичатся… – пусть.» (стр. 36)*
Кичиться – Хвастаться, горделиво возноситься/ *Словарь Ожегова*
Кичиться, кичусь, кичишься, несов., кем-чем. Гордиться, хвастаться (каким-н. своими преимуществом). Кичиться своим богатством/*Словарь Ушакова*

Кликать – *«Кличут хозяйку, укают…» (стр. 39)*
Кликнуть, кликать, кликивать – звать, призвать, кричать кого, требовать голосом кого, куда-либо; (уралск.) закличи его, кликни. -ся, кликать, звать друг друга; перекликаться. Кликни его, вороти! Закличь его сюда. Искликался, никто не идёт. Кликал помощи, о помощи, но надселся!/ *Словарь Даля*

Кровля – *«Багряную сыпь кровель» (стр. 46)*
Кровля -и, род.,мн. -вель, ж. Крыша./ *Словарь Ожегова*
Кровля ж. обвершка строенья или крыша. Под которой кровлей голуби водятся, та не горит. Кровля, кров м. крыша; строенье, жилье, дом, изба: приют, скрынище, защита от непогоды; Отчий кров, родительский дом, родина. Ни сбывища, ни скрываща, ни крова, ни пристаниша./ *Словарь Даля*

Л

Лоно – *«Деревень обветшавшее лоно/Трудно уже не заметить» (стр. 38)*
Лоно – грудь, перси, недра, утроба, колени./ *Словарь Даля*

Н

Нашейный крест – *«Веру! – и ту, нашейным крестом...» (стр. 14)*
Нашейный крест (авт. знач.) – существует выражение «нательный крест», здесь же – крест, носимый без веры в душе.

Неисбывный *– «Боль моя неисбывная» (стр. 37)*
Неисбывный – неисбывное горе, неотвратное, роковое; неисбывная боль – которая уже осталась и которую нельзя поправить. Неисбывность – свойство того, чего нельзя сбыть, что должно нести/ *Словарь Даля*

Небь *– «Даже пень перекрестился,/на небь посмотрев едва» (стр. 16)*
Небь (устр.) – небо, небеси. Року 1461 Комета великая показалася на небь, межи всходом солнца и полночю, праве на полнеба метлою своею заимуючи, през дний 15 была видьная… Гинцель.
На небь жэ, да у Бога,… /*Золотая книга. Веда славян;.Создатель книги: Веркович Стефан Ильич (С.-Петербургъ 1 Мая 1881 г.)*

О
Оболванил – «Оболванил! – и срулил» (стр. 16)
Оболванивать (разг.) – обмануть, оставить в дураках или болваном.
Оболванил, оболванивать – оболванить что, отделать грубо, вчерне, обтесать, придав вещи приблизительно желаемый вид или размеры; оболванивать – оставить болваном, дураком; .Шуточн. остричься гладко, под гребенку. / *Словарь Даля*

Отрепь *– «Мы все – при чинах, и в отрепи» (стр. 55)*
Отрепь (разг.) – отрепье, лохмотья, сильно поношенная рваная одежда.
Отрепь – Обтрёпанный, обтрёпанная, обтрёпанное; обтрёпан, обтрёпана, обтрёпано (разг.). 1. Прич. страд. прош. вр. от обтрепать. Отрёп собират. отрепки м. мн. отрепье ср. отрепена ж. вят. тряпьё, ветошь, рваная одежа, лохмотье, обноски. / *Словарь Даля*

Очаг *– «Чьи-то дома отчие – Тёплый очаг раненый» (стр. 39)*
Домашний очаг (ритор.) – перен. свой дом, семья. /*Словарь Ушакова*

П
Портовая *– «С души – портовая, с лица – уродина» (стр. 35)*
Портовая – включает синонимы «портовой девки», портового города – шумного, разбитного и не очень чистого.
Портовой, портовая, портовое, и (чаще) портовый, портовая, портовое. Прил. к порт./ *Словарь Ушакова*
«Портовый торговый город – синонимы: город барышников, массовых закупок шмотья

в былые годы, город-торговка, с огромными карманами, набитыми всякой всячиной, город-муравейник, закрывающий все входы-выходы с заходом солнца»./ *С. Ведюшкина. Страсть к разрушению*
Портовые девки, весь стыд потеряв, Так возле борта и вьются!/ *Константин Беляев. «Дневник замполита»*

Порок – *«Нищета – порок. Ещё какой!» (стр. 48)*
Порок – недостаток нравственный, духовный, всё что противно истине, добру. Зло, порок, как свойство, качество человека / *Словарь Даля*

Пустошь – *«Правдою – у обочины,/Пустошью – на окраине» (стр. 39)*
Пустошь *-и, ж. Невозделанный участок земли, заросший травами, мелким кустарником. / Словарь Ожегова*
Пустошь, пустоши, ж. Незаселенный, невозделанный, запущенный участок земли. Всякие угодья, и дома, и деревни с пустошами. А. Островский/*Словарь Ушакова*

С
Сгинуть – *«Чтоб в сыру землю не сгинул,/не зачах тощой в пыли…»(стр. 17)*
Сгинуть, сгину, сгинешь, сов. (разг.). Пропасть, исчезнуть. Сгинь с глаз моих! мой сад заглох, мой сад бесследно сгинул. Некрасов./ *Словарь Ушакова*

Ставни – *«Как выцветшие иконы/ оконные ставни светят» (стр. 38)*
Ставни – деревянные надстройки в виде дверок с наружной стороны окна деревенских изб. Служат защитой дома – их закрывают на ночь, элементом украшения – резные ставни. Перен. Открытые ставни – душа на распашку.
Ляда (ставень) ж. с немецк. южн. ставень, дверка, лаз в подполье, западня, люк; || поперечные затворы в лавочках./ *Словарь Даля*

Стерня – *«…одинокие как стерня» (стр. 56)*
Стернь и стерня ж. южн. жниво, жнивье, жнище, жнивище, сжатое поле, и | самые остатки соломы на корню, / *Словарь Даля*

Сутолока – *«В сутолоке суток, как в квадрате…» (стр. 24)*
Сутолока – толкотня, сумотоха, толпа, суета, сумятица, беспорядок/ *Словарь Даля*

Т

Тихая сапа *– «Влезть, видать, повыше метил... /тихой сапою» (стр. 16)*
Выражение «*тихая сапа*» – от слова «сапер» во французском языка и буквально означает: «Тот, кто занимается сапой». В военной терминологии «тихая сапа» – это работы, которые ведутся с особой осторожностью, без шума, с тем чтобы подобраться к противнику незаметно, в полной тайне. Когда же это выражение распространилось широко и в общем языке, оно там получило значение: осторожно, в глубокой тайне и не спеша. Применяют его только к какой-либо предосудительной деятельности - всяким интригам, козням и «подкопам».

У

Утроба *– «Это орган самый гнилой/Внутри российской утробы» (стр. 48)*
Утроба (устар.) – Чрево, живот./*БЭС*

Ч

Чван *– «При этом ширится метраж чванов...» (стр. 30)*
Чван – надменный, спесивый, тщеславный и малодушный человек, жаждущий лести.
Чван м. разг.-сниж. Чванливый человек./ *Словарь Ефремовой*
Чванить кого, надмевать, делать надменным, спесивым, гордым. Чванство и чвань, чванность, более как понятие отвлеченное; гордость, тщеславие, спесь и жажда лести, похвалы. Чванство рода, - богатства, - заслуг. - Важничанье в людях, ломливость. Чванство не ум, а недоумье. Чван, чванишка м. чванка ж. чваныш м. чванчуга об. чванный человек. Чванец, вор. шашка на кону, в игре./ *Словарь Даля*

Содержание

От автора.....3

Правдою у обочины 5
«Ветры в поле…» 6
Прошло-новым перестройщикам 7
Кто-нибудь.....9
Обличение 10
«Ах, как хотелось быть…» 11
Если бы 12
Воля.....13
Письмо на деревню дедушке Думе 14
Предгрозье или предвыборный сезон.....16
Всё можно знать – от А до Я 18
Лакомый кусочек 19
Перестройка 21
Налетела… 22
«Моя трагедия равна кровопролитию!» 23
«В сутолоке суток, как в квадрате …».....24
Узница (триптих) 25
Волк 26

Живём… 27
В момент глубокого пессимизма 28
Опять… 29
Эмигрант 30
Знаешь, мама… 32
Поколение девяностых. 34
«С души – портовая…» 35
На рассвет 36
«Стана моя бедолажная…» 37
«Рябиновы тихи кроны…» 38
«Смотрят глазами тёмными…» 39
Иван-Дурак 41
А Русь – стояла… 43
Рассвет входил в силу 44
Нищета – порок 48
«Мы – люди – все на плахе…» 50
Поперёк 51
Другой 52
Середина мая 53
Внимаю как песнь соловью 54

Шиворот на выворот ***57***
Обделёныш 58

Рукастыш 59
На собрании 60
Уеду 61
Крокодил 62
Презентаба 63
Ух, ты 64

Дневник президента или бабская революция 65
Странное время 66
Восемнадцать 67
Под кровавой луной 68
Всякие мысли 69
Дневник президента или бабская революция 71
Жить надо 79
За что? 86
Сказка о том, как Иван-Дурак журнал читал 93
Словарь 97

Книга «Острый угол» издана за счёт средств автора.
Рукопись подготовлена к изданию в июле 2008 года.

Публиковать и использовать в СМИ произведения, находящиеся в данном издании, полностью или частично запрещено.

Любовь Миляева
ОСТРЫЙ УГОЛ

Художник: Вера Миляева
Верстка: Елена Захарова
Компьютерный дизайн: Любовь Миляева
Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано в печать 22.04.2010. Формат 14x16,5
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 7
Тираж 250 экз.

Отпечатано ОАО «Информационно-издательский центр».
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра Тюменской области
628006, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 5. Тел. 33-35-52, 32-15-81.
ИНН 8601024498

80-00

175882012
Государственная библиотека Югры